

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-93-100

ДВА НИЩИХ: ЛЕРМОНТОВСКИЙ ПРЕТЕКСТ В СТИХОТВОРЕНИИ К. СИМОНОВА «ДО УТРА ПЕРЕД РАЗЛУКОЙ...»

Коржова И.Н.

Орский колледж искусств

462422, Оренбургская область, г. Орск, ул. Советская, д. 65, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию литературных и культурных традиций в стихотворении Симонova «До утра перед разлукой...». Определён претекст произведения – стихотворение Лермонтова «Нищий». Сравнительный анализ позволил заключить, что Симонov сохраняет двучастную композицию предшественника, но отказывается от прямой аллегоричности. Также выявлен второй источник стихотворения – фольклорный сюжет о возвращении мужа на свадьбу жены. Установлено, что советский поэт использует сюжетные ситуации претекстов, но меняет их оценку, одинаково не принимая лермонтовскую и народную аксиологию. Его собственная система ценностей основана на крайнем максимализме, бескомпромиссности и укрупнённости чувств. Но эти черты, близкие романтизму, соединяются с реалистической детализацией, прозаизацией языка и психологической сложностью лирического героя.

Ключевые слова: Симонov, Лермонтов, романтизм, реализм, идиостиль, интертекст, муж на свадьбе жены.

TWO BEGGARS: LERMONTOV'S SOURCE IN K. SIMONOV'S POEM "IN A DREAM, I SAW A WEDDING... "

I. Korzhova

Orsk College of arts

65 Sovetskaya Street, Orsk 462422, Orenburg region, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of literary and cultural traditions in Simonov's poem "In a dream, I saw a wedding..." The source of the work is defined to be the Lermontov's poem "The Beggar". A comparative analysis revealed that Simonov keeps composition in two parts, but refuses the direct allegory. Also revealed is the second source of the poem – a folklore plot about the return of the husband to the wedding of his wife. It's established the Soviet poet used the plot of sources, but changed their assessment, equally not accepting Lermontov's and folklore axiology. His own system of values is based on extreme maximalism, uncompromising and strong feelings. But these features, close to romanticism, are combined with realistic detail, colloquial style and the psychological complexity of the lyric hero.

Key words: Simonov, Lermontov, romanticism, realism, idiosyle, intertext, husband at his wife's wedding.

Лирика, воспевающая «демонизм» и «роковое» начало [1, с. 151]; поэзия, в которой проглядывает «лицо старого гусара» [15, с. 204]; «страницы, предназначенные для развлечения в узком холостяцком быту» [8, с. 92]. Такие раздражённые оценки ряда критиков любовная лирика К. Симонова получила в те же годы, когда снискала наибольшую популярность у читателей. Его поэтическая манера была действительно своеобразна: в ней соединились неханжеский язык страсти и обращённость к высоким романтическим традициям прошлого. О влиянии на образный строй и концептуальную сферу стихотворений Симонова блоковского культа Прекрасной Дамы и поэтического образа женщины-звезды Гумилёва мы писали ранее [7]. Д. Быков, рассматривая уже не столько поэтику Симонова, сколько общее направление в решении тем войны и Родины, связывает его лирику с теми же именами [4].

Ориентация на традиции проявлялась в обращении и к более удалённым временам. По наблюдению критика – современника Симонова Т. Хмельницкой, «История России привела его к истории русской поэзии, и Пушкин и Лермонтов послужили образцом для его исторических поэм» [16, с. 135]. Уроки у Лермонтова-баталиста не были единичными: стихотворение «Дожди», входящее в цикл «С тобой и без тебя», попытка рассказать о войне, используя достижения поэтики «Валерика» [6]. В цикле присутствует ещё одна отсылка к предшественнику. Стихотворению «Если родилась счастливой...» предпослан эпиграф из Лермонтова. Реминисцентность причудливо сочеталась в лирике Симо-

нова с открытым автобиографизмом и словно поднимала и освящала личные события, выявляя в современной любовной истории мотивы и ситуации вечные. По меньшей мере третья встреча с Лермонтовым в цикле «С тобой и без тебя» происходит в стихотворении «До утра перед разлукой...», ориентированном на стихотворение «Нищий». Этот текст Симонова и станет предметом нашего исследования, направленного на выявление характера взаимодействия поэта с традицией.

Симонов заимствует то развёрнутое в микросюжет сопоставление, которое положено в основу стихотворения «Нищий». Источник интертекстуальных включений подчёркивает точечная цитата: «Ты – невеста. Нищий – я» [12, с. 211]¹, – отсылающая к названию лермонтовского текста. Произведение Лермонтова имеет характерную для его ранней лирики двучастную композицию [11, с. 343]. Первая часть основана на приёме, который И. Розанов назвал «оживлением метафоры» [цит. по 11, с. 343]: перед нами разворачивается целый сюжет о жестоко обманутом нищем, получившем вместо подаяния камень. Этой сцене отведены две из трёх строф, последняя же содержит психологическую расшифровку: нищий – это герой, жестокий обманщик – героиня. Стихотворение Симонова также состоит из двух частей: в первой рассказывается о сне героя, увидевшего себя нищим у церкви, где происходит свадьба его возлюбленной. В отличие от претекста, ситуация первой части обрисована эскизно, но, очевидно, герой милостыню всё же получил. Косвенно об этом говорит

¹ Далее стихотворение Симонова цитируется по указанному изданию.

фраза из второй части: «Пусть случится всё, как снилось, / Только в жизни обещаю – <...>/ Милостыни не давай».

При сходстве композиции у Симонова вторая часть посвящена не просто аналогии, а перенесению полученного во сне психологического опыта на реальную ситуацию. В стихотворении «Нищий» развёрнутая метафора дана в объективном повествовательном ключе. Части соединяются наречием «так» («Так я молил твоей любви» [9, с. 65]¹), подчёркивающим аналогию. У Симонова соотношение планов сложнее: первая часть – сон героя, где он и героиня уже выступают действующими лицами, поэтому никакой дополнительной идентификации не нужно. Расшифровка требует лишь понятие «милостыня». Вторая же часть содержит не только переход к реальным отношениям («Только в жизни обещаю»), но и стремление предотвратить совпадение ситуаций. Соотношение двух планов усложнено, граница между ними размыта: первая часть уже содержит сведения о реальных взаимоотношениях. Сон снится «до утра перед разлукой», это проекция опасений и страхов героя. Он боится не только измены любимой (во сне – свадьбы с другим), но и собственного, возможно добровольного, унижения (образ нищего на паперти). Сон, как форма проекции внутреннего мира, обладает гораздо большим потенциалом психологизации, чем «оживление метафоры». Уйдя от аллегоричности, Симонов во второй части так и не расшифровывает понятие «милостыня». Что это: жалость и снисходительность, короткая любовная уступка или даже

возвращение героини, запятнавшей любовь неверностью? Симонов и во второй части использует символический образ милостыни. Контекст и претекст его стихотворения дают направление ассоциациям, но оставляют образ неоднозначным; понятна только субъективная оценка действий героини как унижающих героя.

Если выбранный Симоновым композиционный приём говорит об углублении реализма, то конфликт выглядит даже более радикальным, чем у юного романтика Лермонтова. Сюжет «Нищего», по воспоминаниям современников, опирался на реальную историю. Е. Сушкова, адресат стихотворения, вспоминает о встрече во время паломничества в Троице-Сергееву лавру: «На паперти встретили мы слепого нищего. Он дряхлою дрожащею рукою поднёс нам свою деревянную чашечку, все мы надавали ему мелких денег; услыша звук монет, бедняк крестился, стал нас благодарить, приговаривая: “Пошли вам бог счастье, добрые господа; а вот наредни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмеялись надо мною: наложили полную чашечку камушков. Бог с ними!”» [14, с. 124]. По версии А.А. Столыпина, дальнего родственника Лермонтова, лишь пересказавшего семейные предания, сама Сушкова «из шалости подала слепому нищему камень, и Лермонтов сравнил это с её отношением к его отвергнутой любви» [13, с. 137]. Конечно, в последнем случае ситуация изменяется, потому что обе части тогда говорят о действиях одного лица. Но в стихотворении намёков на вторую версию нет.

Однако текст не просто вырос из житейской ситуации, а вобрал в себя

¹ Стихотворение Лермонтова в статье цитируется по указанному изданию.

культурные архетипы. Как указывает О. Миллер [11, с. 343], в произведение введены мотивы Нагорной проповеди. В Евангелии от Матфея Иисус вопрошает: «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень?» [3, Мф 7:9]. Учёт Лермонтовым этого фрагмента подтверждается тем, что встретившийся поэту нищий искал денег, а в стихотворении бедняк просит «куска лишь хлеба». Такая трансформация помимо вовлечения евангельского текста говорит о насущной потребности в чувстве, невозможности жить без него. В Евангелии Христос обращает к людям чисто риторический вопрос, утверждая веру в доброту как в норму. Именно к этой этической норме и апеллирует Лермонтов, осуждая возлюбленную за немислимую жестокость. В стихотворении оба героя, как это и свойственно романтизму, вообще отличаются крайностью проявления чувств. Герой «молил <...> любви / С слезами горькими, с тоскою». Его ипостась – нищий – своим видом усиливает впечатление запредельных страданий: «бедняк иссохший, чуть живой». Героиня же являет исключительную жестокость, глумясь над героем. Важно, что её деяние носит характер не просто чёрствости, а богохульства. В религиозной среде существует представление, что подаяние предназначено Богу, кроме того в стихотворении подчёркнута святость места, которое осквернила героиня («У врат обители святой»). Итогом стихотворения является не просто разрыв, но тотальное разочарование героя. Это, пожалуй, единственное чувство, которое не называется и не объясняется прямо. Но фраза «обмануты навек»

с лёгким аграмматизмом позволяет говорить, что слово «навек» относится не к её действию – обмануть навек нельзя, а к его реакции, появившемуся недоверию к чувствам.

Стихотворение Симонова, помимо текста Лермонтова и опосредованно Евангелия, опирается на богатый фольклорный пласт. Сюжет «муж возвращается на свадьбу своей жены» входит в число мировых фольклорных сюжетов. В указателе Аарне, переведённом Андреевым, дано следующее описание: «В отсутствие мужа жена принуждена избрать себе нового мужа: прежний муж возвращается (иногда благодаря помощи лешего и открывается жене)» [2, с. 64]. Заметим, что в подобного рода ситуациях муж часто предстаёт в непрезентабельном образе бродяги, хотя может явиться и под личиной заморского гостя. Ориентация сюжета Симонова на несколько источников как раз проблематизирует его оценку ситуации. Фольклорный сюжет, известный в русской традиции в форме эпического повествования «Добрыня Никитич и Алёша Попович» и в сказочных вариантах, заканчивается неизменным узнаванием и возвращением женщины к настоящему мужу. В.М. Жирмунский, описавший инвариант более подробно, чем Аарне, так характеризует финал: «Жена с восторгом возвращается к своему старому мужу (прыгает к нему через пиршественный стол – в славянских версиях). Неудачный соперник, если он виноват, несёт заслуженную кару; в других случаях дело кончается примирением» [5, с. 324–325]. Т.Г. Мальчукова упоминает и о несчастливых развязках: «Для южнославянского эпоса даже в таком, казалось бы, едином

и благополучном сюжете, как “муж, вернувшийся на свадьбу своей жены”, прослеживается разнообразие концовок и внутренний трагизм» [10, с. 36]. В стихотворении Симонова ясность в финал не вносится. Просьба не подавать милостыню косвенно говорит о том, что героиня узнает мужа, иначе она не могла бы идентифицировать сегодняшнего просителя и нищего. С учётом лермонтовского сюжета, в котором милостыня трактуется как любовь героини, мы можем предположить, что герой отказывается не только от некоей жалостливой снисходительности, но и от соединения с женщиной, запятнавшей себя неверностью. Таким образом, фольклорная коллизия наполняется современным психологизмом, конфликт интериоризируется. Нормы народного сознания, утверждающего мораль парного брака и его прогрессивность по сравнению с правом рода на жену (левиратом), хотя и содержали в себе идею индивидуализации отношений, конечно, уже не могли удовлетворить героя Симонова.

Не может принять он и куда более современную аксиологию Лермонтова. Героиня Симонова совершает диктуемое требованиями милосердия и взыскуемое у Лермонтова деяние – она не бессердечна и не жестока. Но от её дара герой отказывается. Таким образом, он не принимает и христианские ценности, видя в них компромиссность. Любовь не может быть милостыней и даваться из чувства долга. Его чувство требует особой новой этики, собственно, любовь и является абсолютом, лежащим в её основе. Так реалист Симонов оказывается бескомпромисснее романтика Лермонтова, ещё повышая значение таких романтических черт,

как гордость и незапятнанность чувства.

Однако новый этический абсолют, отвергающий и народные, и христианские идеалы, реалистически и диалектически сложен. Обратимся к грамматике стихотворений. Текст Лермонтова хотя и содержит местоимения второго лица, обращён к героине лишь косвенно, это скорее обвиняющее зеркало, поставленное перед нею. У Симонова коммуникация не прервана: герой обращается к женщине как полноправному творцу их будущего. Психологическая тонкость стихотворения заключается в том, что герой не сам отказывается от милостыни, но просит женщину отказать в подавании. Причиной этого может быть и боязнь собственной слабости, и опасение, что она оскорбит бывшее чувство и тем самым обнаружит, что никогда не имела подлинной любви к герою. Такая бескомпромиссность, рождённая уважением к чувству, пронизывает многие стихотворения цикла «С тобой и без тебя», особенно усиливаясь к финалу. Вспомним строки помещённого рядом стихотворения: «Мы оба с тобою из племени, / Где если дружить – так дружить, / Где смело прошедшего времени / Не терпят в глаголе “любить”» [12, с. 210]. Но отказ от милостыни не означает отказа от просьбы. Парадокс этого стихотворения выражен в последних тавтологических строках: «Выходя, мне, сделай милость, / Милостыни не давай». Милость и милостыня разводятся по принципу энантиосемии. Милость, снисходя, сохраняет уважение, милостыня лишает его.

Анализ небольшого любовного стихотворения Симонова позволяет,

как в капле, увидеть своеобразие его поэтики. Прежде всего, бытовые сюжеты имеют глубокие корни и опираются одновременно и на народную традицию, и на русскую классику. Эти ориентиры задают основные категории, но не их оценку. Кроме того, стихотворение отличается поразительной неоднородностью, раскрытием иррациональности сознания. Психологи-

ческая точность имеет эквивалентом заземлённость лексики, разговорность конструкций. Но это поразительно сочетается с некоей этической укрупнёностью, утверждением собственных ценностей. Романтичность на уровне концепции соединяется со зрелой реалистической формой, что порождает феномен идиостиля Симонова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров В. Письма в Москву (К. Симонов: «С тобой и без тебя» и «Стихи 1941 г.») // Знамя. 1943. № 1. С. 149–160.
2. Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л.: Издание Государственного русского географического общества, 1929. 122 с.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические. М.: Российское библейское общество, 2005.
4. Быков Д. 1900–1950. Время потрясений. М.: Эксмо, 2018. 544 с.
5. Жирмунский В.М. Эпическое сказание об Алпамыше и «Одиссея» Гомера // Сравнительное литературоведение. Л.: Наука, 1979. С. 314–335.
6. Коржова И.Н. «Смерть и вода»: лермонтовский претекст стихотворения К.М. Симонова «Дожди» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (69). Ч. 1. С. 23–26.
7. Коржова И.Н. Уроки нелюбви: традиции А. Блока и Н. Гумилёва в цикле К. Симонова «С тобой и без тебя» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 3.1. С. 84–92.
8. Кулинич А. Русская советская поэзия. Очерк истории. М.: Учпедгиз, 1963, 382 с.
9. Лермонтов М.Ю. Сочинения в 2-х т. М.: Правда, 1988, Т. 1. 720 с.
10. Мальчукова Т.Г. Сюжет возвращения мужа на свадьбу своей жены в «Одиссее» Гомера, а также в славянском и русском эпосе // Проблемы исторической поэтики. 2015. Вып. 13. С. 7–70.
11. Миллер О.В. «Нищий» // Лермонтовская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 343.
12. Симонов К.М. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1982. 623 с.
13. Столыпин А.А. Средниково (Из семейной хроники) // Сура. 2014. № 4. С. 135–139.
14. Сушкова Е. (Хвостова). Записки 1812–1841. М.: Academia, 1928. 448 с.
15. Тарасенков А. Поэты. М.: Советский писатель, 1956. 394 с.
16. Хмельницкая Т. Твёрдые строки (поэзия Симонова) // Литературный современник. 1940. № 2. С. 130–137.

REFERENCES

1. Aleksandrov V. [Letters to Moscow (Konstantin Simonov: "With and without you" and "Poems of 1941")]. In: Znamya, 1943, no. 1, pp. 149–160.
2. Andreev N.P. Ukazatel' skazochnykh syuzhetov po sisteme Aarne [The index of fairy tales by the system of Aarne]. Leningrad, Izdanie Gosudarstvennogo russkogo geograficheskogo obshchestva Publ., 1929. 122 p.

3. Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta kanonicheskie [The Bible. The Holy Scriptures of the Old and New Testament canonical]. Moscow, Rossiiskoe bibleiskoe obshchestvo Publ., 2005.
4. Bykov D. 1900–1950. Vremya potryaseniya [1900–1950. Time of shocks]. Moscow, Eksmo Publ., 2018. 544 p.
5. Zhirmunskii V.M. [The epic story of Alpamysh and “The Odyssey” by Homer]. In: Sravnitel'noe literaturovedenie [Comparative Literature Studies]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. pp. 314–335
6. Korzhova I.N. [“Death and water”: Lermontov's pretext to K. Simonov's poem “Rains”]. In: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2017, no. 3 (69), vol. 1, pp. 23–26.
7. Korzhova I.N. [Lessons of absence of love: traditions of A. Blok and N. Gumilyev in K. Simonov's cycle “With and without you”]. In: Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2016, no. 3.1, pp. 84–92.
8. Kulinich A. Russkaya sovetskaya poeziya. Ocherk istorii [Russian Soviet poetry. Essay on the history]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1963, 382 p.
9. Lermontov M.Yu. Sochineniya v 2-kh t. [Works in 2 volumes]. Moscow, Pravda Publ., 1988, Vol. 1. 720 p.
10. Mal'chukova T.G. [The plot of husband's return to his wife's wedding in “The Odyssey” by Homer and in the Slavic and Russian epic]. In: Problemy istoricheskoi poetiki [The Problems of historical poetics], 2015, iss. 13, pp. 7–70.
11. Miller O.V. [“The Beggar”]. In: Lermontovskaya entsiklopediya [Lermontov encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1981. pp.343
12. Simonov K.M. Stikhotvoreniya i poemyy [Poetry and poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1982. 623 p.
13. Stolypin A.A. [Srednikovo (From the family chronicle)]. In: Sura [Sura], 2014, no. 4, pp. 135–139.
14. Sushkova E. (Khvostova). Zapiski 1812–1841 [Notes 1812–1841]. Moscow, Academia Publ., 1928. 448 p.
15. Tarasenkov A. Poety [Poets]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1956. 394 p.
16. Khmel'nitskaya T. [Solid lines (Simonov's poetry)]. In: Literaturnyi sovremennik [Literary contemporary.], 1940, no. 2, pp. 130–137.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коржова Инесса Николаевна – кандидат филологических наук, заведующая отделом общеобразовательных, гуманитарных и социально-экономических дисциплин Орского колледжа искусств;
e-mail: clean24@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Inessa N. Korzhova – PhD in Philological sciences, head of the Department of Educational, Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Orsk College of arts;
e-mail: clean24@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коржова И.Н. Два нищих: лермонтовский претекст в стихотворении К. Симонова «До утра перед разлукой...» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 93–100.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-93-100

FOR CITATION

Korzhova I.N. Two beggars: Lermontov's source in K. Simonov's poem "In a dream, I saw a wedding...". In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 4, pp. 93–100.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-93-100